

Операция «Aurora Borealis» (шпионский детектив)

Кондратьев Анатолий

Анатолий Кондратьев

**Операция «Aurora
Borealis» (шпионский детектив)**

«Автор»

2023

Кондратьев А. В.

Операция «Aurora Borealis» (шпионский детектив) /
А. В. Кондратьев — «Автор», 2023

Первая часть исторической шпионской дилогии, детектива, охватывающей события конца XIX - начала XX веков. Читатель встретится с героями, вовлечёнными в революционные события Российской империи, методами работы охранного отделения и его заграничного бюро, русской контрразведки времён Великой войны. Автор: экс-капитан дальнего плавания, уже опубликовал две книги: "Записки старого моряка. Калейдоскоп воспоминаний" и роман-приключение "Ужас океанских глубин". P.S. Обложка книги сделана самим автором с использованием Фотошопа и ИИ "Кандинский 2.2"

© Кондратьев А. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Санкт-Петербург, 1886 год	5
Встреча влюблённых	11
Санкт-Петербург. Зима 1905 года ...РЕВОЛЮЦИЯ!!!	22
Ранение Алексея	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анатолий Кондратьев

Операция «Aurora Borealis» (шпионский детектив)

Санкт-Петербург, 1886 год

В семье профессора Санкт-Петербургского Практического Технологического института Арцыбашева Сергея Николаевича царил мир и спокойствие. Сегодня вечером Сергей Николаевич, как обычно, сидел в своём кабинете и готовился к завтрашней встрече со студентами. Профессор читал курс лекций по горному делу и сейчас погрузился с головой в Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, делая из него необходимые для себя выписки.

Супруга его Евгения Петровна Арцыбашева, урождённая Сипягина, музицировала в гостиной. Их годовалый первенец Алёшенька мирно спал в «детской».

Словом, всё было как обычно. Жизнь текла буднично, однообразно и для Евгении Петровны – скучно.

– Боже, какая скукота, – сняв руки с клавиатуры и положив их на колени, чуть ли не шёпотом произнесла молодая 20-летняя женщина. – и так каждый день...

Со своим мужем она познакомилась два года назад на костюмированном балу, который давал Тамбовский губернатор. Все гости были наряжены в фольклорные, традиционные русские одежды в стиле старинных русских сказок. Дамы – в характерные сарафаны под грудь, а их кавалеры в рубахи-косоворотки, подпоясанные цветными матерчатыми поясами и штаны-портки, заправленные в сапоги. Губернатор слыл большим оригиналом и патриотом Матушки-России, и время от времени устраивал в своём доме подобные представления.

Высокий, статный черноволосый 35-летний мужчина с аккуратной «чеховской «бородкой», произвёл на неё, 18-летнюю девушку, неизгладимое впечатление. До тех пор ни в кого серьёзно не влюблявшаяся Женечка (мимолётные детские увлечения – не в счёт), была напрочь сражена петербургским интеллектуалом Арцыбашевым гостившем в Тамбове у своего дядюшки. На балу они не отходили друг от друга, казалось, забыв об окружающих. Юной девушке было всё интересно, о чём рассказывал Сергей Николаевич. Она с увлечением расспрашивала его о последних столичных новостях и сплетнях, о которых, увы, молодой профессор, был плохо осведомлён. Стесняясь и краснея, как юноша, он лепетал:

– душечка, Евгения Петровна, ... – Женя, право, полноте, ... просто Женечка, ... – перебила его девушка

– ...хорошо, ... спасибо, ... Женечка – ещё больше краснея и смущаясь, продолжал Арцыбашев, – право дело, ... я так далёк от светских сплетен, ... поверьте, я дни напролёт занят в институте, ... в лаборатории со студентами...

– ах! Ну, ... а чем Вы занимаетесь в своих лабораториях? Какие опыты ставите?

Начав, было, рассказывать о науке, профессор, быстро уловил, что эта тема девушке не очень понятна, а значить и мало интересна. И это несмотря на все её искренние старания вникнуть в объяснения Арцыбашева. Тогда Сергей Николаевич переключился на искусство и поведал о своих впечатлениях от выставки художников-передвижников, галерею картин которых он посетил перед отъездом в Тамбов.

Не влюбиться в Евгению Сипягину было просто невозможно. Она была красива той особенной красотой, свойственной славянскому племени. Длинные русые волосы, заплетённые в косу, переброшенную на высокую грудь девушки, оттеняли яркие бирюзовые глаза. А старинный русский кокошник, расшитый разноцветным бисером, дополнял наряд красиво сшитого

русского красного сарафана прямого кроя, оставившим открытыми чудные девичьи шиколотки ног молодой барыни.

Словом, взаимная симпатия и любовная искра, пробежала между молодыми людьми. Женечка, не на шутку влюбилась!

В последующие дни, Арцыбашев был приглашён в имение Сипягиных, где его с большим радушием принимали родные Евгении. Женечка был правнучкой известного Павла Петровича Сипягина, капитан-лейтенанта флота, впоследствии коллежского асессора, дворянина Пензенской и Тамбовской губерний. Правда родство это было очень дальним, но тем не менее, родители Евгении очень им гордились.

Дело закончилось свадьбой и переездом Женечки Сипягиной в Санкт-Петербург, в дом профессора Арцыбашева. В 1885 году у молодых супругов родился первенец, замечательный малыш Алёшенька.

Роль степенной, замужней дамы плохо давалась молодой, задорной девушке. Ей хотелось веселья, балов, встреч с новыми интересными людьми. В Санкт-Петербурге жила дальняя родственница Сипягиных по линии матери, которая была замужем за свитским генералом. Она и ввела Евгению Арцыбашеву в светские петербургские салоны. Появляться в свете замужней даме без кавалера, было как-то *pas comilfo*, поэтому Женечка, буквально насильно, заставила Сергея Николаевича сопровождать её на эти светские рауты. Арцыбашев чувствовал себя на этих вечерах абсолютно чужим человеком. Ему было откровенно скучно среди этой «пустой», важно-напыщенной, снобистской публики. Терпения его хватило не более чем, на пару раз. После чего, мягкий и, как могло показаться со стороны, слабовольный Арцыбашев, неожиданно твёрдо и решительно сказал жене:

– душа моя! Уволь, пожалуйста меня, но я больше не могу. Моего терпения не хватает выслушивать всю эту светскую болтовню и сплетни. Противно, знаешь ли. И жалко упущенного времени. Больше я в салоны ни ногой.

Это было жестоко с его стороны по отношению к жене. Она только и жила этими балами и светскими салонами. Обида на бесчувственного мужа буквально разрывала её душу. И раз-

рыдавшись, Женечка убежала в свою комнату. В ту ночь супруги первый раз спали отдельно. Арцыбашев – у себя в кабинете, а Женечка, закрыв спальню изнутри и зарывшись лицом в подушку, большую часть ночи проплакала. В тот раз, это было их первой размолвкой.

В последнее время ссоры их участились и возникали буквально по пустякам. Вот и сейчас, она встала из-за инструмента и с раздражением закрыла крышку фортепьяно.

Неожиданно в прихожей раздался звук входного колокольчика. Спустя минуту, горничная доложила, что в гости пожаловала её знатная родственница.

–душечка, Евгения Петровна, почему такая мрачная? Что случилось? Опять повздорила с мужем? И как всегда, по какому-нибудь пустяку, право дело, ...собирайся завтра во дворец. Государь даёт приём по случаю визита в Санкт-Петербург высокой особы – наследника прусского престола, принца Вильгельма.

Будущий кайзер второго рейха Вильгельм II – в 1886 году совершил свою первую поездку в Россию, в ходе которой он вручил будущему императору Николаю II орден Чёрного орла. По этому случаю в Зимнем дворце был дан грандиозный бал, на котором присутствовал весь Высший Свет столицы. Евгения Петровна Арцыбашева тоже была на нём, и как всегда, без мужа, только в компании своей дальней родственницы.

Бал состоялся в Николаевском зале Зимнего дворца, или, как его называли, «Большой бал Николаевской залы». На этом балу собралась вся родовая, военная и бюрократическая аристократия. Был и дипломатический корпус столицы. Всего народу было более 2000 человек, как отметили впоследствии столичные газеты. Открывал бал по традиции торжественный полонез. После чего, тяжеловесный император Александр III, не большой любитель подобных мероприятий, отбив на балу протокольное время, вскоре оставил его, а супруга Государя Мария Фёдоровна, в противоположность мужу, большая любительница танцев, продолжила веселиться.

Впервые Женечка видела так близко царственных особ. Кадрили, вальсы следовали один за другим. В глазах Евгении Петровны рябило от разноцветных мундиров кавалергардов, конногвардейцев и гусар. От этой феерии, этого великолепия у молодой женщины голова закружилась. Она отошла к одной из колонн залы и присела на стул, чтобы перевести дух и привести свои чувства в порядок. Однако, буквально через минуту перед ней остановился высокий, статный молодой моряк в парадном мундире кайзеровского флота.

– фройляйн, разрешите представиться – вытянувшись перед Евгенией и щёлкнув каблуками, на чистом русском языке, буквально отрапортовал немец,

– Гартвиг фон Кнабенау, оберлейтенант Кайзерлихмарине, прибыл в Вашу столицу в свите принца...Разрешите пригласить Вас на тур! – вопрошающе протянул он руку в белой перчатке. – Не откажите, прекрасная сударыня, – с обворожительной улыбкой молодой красавец продолжал настаивать. Словно замороженная гипнотическим взглядом голубых глаз красавца-моряка, не помня себя, Евгения Петровна протянула ему свою ручку, в белой по локоток перчатке...И всё, ... с этой минуты Женечка Арцыбашева, что называется, «пропала»! За этим туром кадрили последовал вальс, за ним другой. Моряк был настойчив и любезен. Он не отпускал Женечку от себя. Да и она была совершенно не против. Раскрасневшаяся, чуть запыхавшаяся, с высоко вздымавшейся грудью, молодая женщина была прекрасна, словно богиня. Именно так её и называл во время общения в танцах фон Кнабенау.

От выпитого шампанского, головокружительных вальсов, близости блестящего кавалера, чувства Женечки пришли в смятение. И, о Боже! Она позволила ему поцеловать свою руку чуть повыше бальной перчатки. От прикосновения тёплых мужских губ к своей нежной коже, голова Женечки закружилась... В любое другое время, при других обстоятельствах, она бы никогда не позволила ни себе, ни ему такую вольность – поцелуй руки выше перчатки. А дальше, – больше! Фон Кнабенау, осмелился и нежно прикоснулся губами к её обнажённому плечу. Евгения Петровна была словно в тумане. Она поняла, что уже не властна над своими чувствами.

После бала, далеко за полночь, была прогулка по Летнему саду, ... «полёт» на извозчике, номер гостиницы, шампанское... и жаркие объятия молодого красавца, яростное сплетение молодых обнажённых тел. Всё происходило словно в забытии. Очнулась Женечка Арцыбашева только утром на смятых белых простынях гостиничного номера. Фон Кнабенау был уже одет и сидел за столом с любопытством поглядывая на смущавшуюся красавицу, только что пробудившуюся ото сна.

После завтрака, поданного в номер, всё повторилось... Опять срываемая друг с друга одежда, опять безумные, жаркие объятия и страстные слова любви... Но всему приходит конец.

Расставались они молча. Не было никаких обещаний, клятв и договорённостей о будущих встречах. Молодые люди только нежно целовали друг друга и ещё долго не могли расстаться. ...

Дома Евгения Петровна призналась мужу, что в прошедшую ночь она была ему не верна, и они больше не могут оставаться вместе.

Сергей Николаевич молча выслушал её. С побелевшим лицом он только и сумел чуть слышно вымолвить

– Алёшеньку я решительно тебе не отдам, ... можешь уходить, но сына ты с собой не возьмёшь. Это окончательно.

Санкт-Петербург, Российская империя, 1888 год

Евгению Петровну приютила у себя её сановная родственница в Санкт-Петербурге. К родителям в их родовое тамбовское имение после пережитого «позора» она наотрез отказалась

возвращаться. Но, отныне, двери светских салонов, а уж тем более Зимнего дворца с его балами и приёмами, были для Арцыбашевой наглухо закрыты.

В положенный срок, через девять месяцев она родила замечательного мальчугана, которого назвала Александром. Плод её бурной страсти с фон Кнабенау рос здоровым и жизнерадостным мальчуганом. Он был как две капли воды похож на своих родителей. Был таким же белобрысым и голубоглазым как его мать и отец. Но всё же, отцовских признаков в его облике было больше.

Евгения Петровна прошла унизительные процедуры бракоразводного процесса и вновь стала Евгенией Сипягиной. От своего любимого Гартвига никаких известий в течение всего этого времени она не имела. Вела жизнь затворницы и, казалось, что с этим она навсегда смирилась. Всё своё внимание и любовь она отдавала сыну. От былой жизнерадостной Женечки Арцыбашевой мало что осталось. Она похудела, и от пережитых треволнений, казалось, заболела, чем весьма озадачивала свою родственницу. Та, вопреки осуждающему общественному мнению и обструкции, которую объявили Арцыбашевой-Сипягиной в Свете, очень жалела Женечку. Сговорилась с мужем, нынче же летом отправить её на лечение за границу, например, в Баден-Баден.

В то лето 1888 года в Петергоф на юбилейную Ассамблею, посвящённую 20-летию "Морского собрания Санкт-Петербурга" прибыл с визитом к Александру III недавно вступивший на престол молодой император Германии Вильгельм II. Вильгельм пришёл в Петергоф на яхте «Гогенцоллерн» в сопровождении небольшой эскадры.

По этому случаю состоялись торжества и приём с большим балом в Зимнем дворце. С бала родственница принесла домой массу светских сплетен и стараясь развлечь Женечку, живо пересказывала ей всё, что удалось услышать и увидеть. Одним из курьёзов, который очень живо все обсуждали в Свете был случай на военном параде в Красном селе:

«На другой день по прибытии в Россию Вильгельма II, состоялся большой смотр войск в Красносельском лагере, где были собраны войска как Петербургского военного округа, так и войска, подошедшие из других мест.

Накануне перед парадом Александр III назначил Вильгельма шефом Выборгского пехотного полка, который должен был участвовать в параде. Вильгельм на параде был одет в форму этого полка. Когда полк начал проходить церемониальным маршем, император Вильгельм встал перед полком своего имени и, проходя мимо императора Александра III, салютовал ему. Затем он сделал «заезд» и встал около нашего Государя. Рядом, как следовало по уставу, встал и командир полка. Тут Вильгельм заметил, что Выборгский полк имеет серебряные трубы. Он обратился к командиру полка с вопросом:

– За какой подвиг мой полк получил серебряные трубы?

Командир полка растерянно замешкался.

– Отвечайте, полковник! – приказал Александр III.

– За взятие города Берлина, Ваше Императорское Величество! – был его ответ.

После ответа командира полка Вильгельм повернулся к императору Александру и, протягивая ему руку, сказал:

– Теперь этого более не будет! – желая, видимо, подчеркнуть, что Германия и Россия в настоящее время так дружны, что вражды между ними более быть не может».

– правда же, забавно!?! Душечка, ну отчего ты не смеёшься? Нет же, ну, надо же, какой курьёз!

Тут двери гостиной, где находились женщины тихонько растворились и камердинер, извинившись, подойдя мягким кошачьим шагом к хозяйке, подал ей на подносе визитную карточку, добавив при этом:

– просят-с принять...

Изучив визитку, хозяйка живо встала и, извинившись перед Евгенией Петровной, попросила никуда не уходить и дожидаться её возвращения.

Спустя некоторое время, двери гостиной широко распахнулись и в проёме двери нарисовалась родственница Сипягиной, которую галантно под руку поддерживал высокий, стройный морской офицер в парадной форме капитан-лейтенанта (Kapitänleutnant) Кайзерлихмарине (Kaiserliche Marine) !!!

Глаза Женечки широко распахнулись... – не может быть! Этого просто не может быть! – девушка попыталась встать, но, потеряв сознание мягко, словно вуаль, упала без чувств на пол.

Очнулась она от страстных поцелуев. Её нежно обнимали сильные руки Гартвига фон Кнабенау. Её Гартвига!

– где же ты так долго был? – шёпотом, чуть слышно проговорила Женя.

Утирая платком слёзы, со счастливой улыбкой на лице, хозяйка гостиной затворяла за собой двери.

Встреча влюблённых

А влюблённые всё нежно обнимались, ... говорили и говорили, прерываясь только на страстные поцелуи, ... и не могли никак наговориться.

Гартвиг поведал, что со времени их расставания, он никак не мог забыть Женечку. Не писал, только лишь потому, что боялся скомпрометировать замужнюю даму (тогда, в гостинице, Женя призналась ему, что никакая она не фройляйн, как ней на балу обратился морской офицер, а самая, что ни на есть, настоящая фрау).

Только два месяца назад, узнав, что кайзер собирается с официальным визитом в Петербург, он через свои связи в посольстве навёл о Евгении Петровне справки и получил достоверную информацию о её истинном положении. Он уверен, что ребёнок, которого она родила, от него. А узнав, что это сын, был вне себя от радости и попросил тотчас провести его к малышу.

После знакомства с сыном, он сообщил Женечке важные новости. Капитан-лейтенант Гартвиг фон Кнабенау был флаг-офицером при штабе кайзера и временно прикомандирован к броненосцу «Баден». Перед отплытием в Россию он имел непосредственный разговор с Вильгельмом II, всё ему рассказал о взаимоотношениях с Евгенией Петровной. Сообщил, что намерен на ней жениться. Кайзер глубоко проникся романтической историей влюблённого офицера и обещал ходатайствовать перед Русским императором о том, чтобы влюблённым не чинили препятствия и отпустили бы русскую подданную в Германию, позволив заключить брак с немецким офицером.

– Сударыня, я делаю Вам официальное предложение и прошу Вас стать моей женой! ... Так что, милая, собирайся, собирай свои вещи и вещи малыша. Я вас забираю. Надеюсь ты не против?

Счастливая Женечка вместо ответа только крепко прильнула к любимому и страстно его поцеловала.

– конечно же, я согласна, герр Гартвиг фон Кнабенау...

Кайзер сдержал своё слово. Александр III согласился отпустить влюблённую Евгению Сипягину в Германию. Отдал соответствующие распоряжения, чтобы все формальности были исполнены без проволочек.

Любезный Кайзер на время перехода эскадры в Германию, предоставил невесте своего флаг-офицера место на своей яхте «Гогенцоллерн».

Гартвиг познакомил свою невесту с семьёй. Вопреки опасениям Евгении Петровны, приняли её более чем хорошо. Особенно были рады внуку Сашеньке. Фон Кнабенау (нем. von Knabenau) – древнейший остзейский баронский род, относился к старинному дворянству, происхождением из Силезии.

Черета стремительных событий, бракоразводный процесс в России и встреча с любимым сильно отразились на здоровье Евгении Петровны, после всех пережитых треволнений, Женечка, видимо-таки, заболела. Немецкие врачи подтвердили худшие предположения. У баронессы Евгении фон Кнабенау доктора констатировали чахотку. Молодая женщина стремительно угасала буквально на глазах. Никакие усилия врачей, мужа, возившего её на знаменитые европейские курорты не помогли. Спустя два года после прибытия в Германию и женитьбы, баронесса Евгения фон Кнабенау ушла в Лучший из Миров, осиротив Сашеньку.

Барон был потрясён смертью жены. Всю свою любовь и внимание он отдал сыну. Другой спутницы жизни он так и не нашёл, да и не стремился искать.

Александр был окружён любовью и заботой отца. В «мамках», у него была выписанная из России ещё Женечкой деревенская простая баба, трудолюбивая, чистоplotная и очень добрая. Сделано это было специально, с прицелом на будущее. Чтобы выросший Александр не забывал родного языка его матери. Барон был не против, полагая, что знание языков никогда не помешает карьере будущего морского офицера Кайзерлихмарине. А именно к этой службе он и готовил сына.

Получив прекрасное образование, в 1907 году лейтенант Кайзеровского флота в парадном мундире предстал «пред светлые очи отца своего», адмирала Кайзерлихмарине Гартвига фон Кнабенау.

В действующий флот, на боевые корабли молодой лейтенант не стремился. Он, как сам полагал, был больше склонен к штабной работе. Скрупулёзный, педантичный Александр, с удовольствием занимался картографией, аккуратно вырисовывал различного рода таблицы, начисто переписывал отчёты. Кроме того, знание нескольких европейских языков и хорошая родословная открывали ему путь к военно-дипломатической деятельности. Протекция отца-адмирала решила этот вопрос, и лейтенант фон Кнабенау получил назначение в главный штаб Кайзерлихмарине и был откомандирован в Кёнигсберг.

Там он и попал в поле зрения начальника разведывательного пункта отдела «III В» военной разведки, майора Вальтера Николаи.

Сведения из Сети:

«Вальтер Николаи родился в Брауншвейге в семье капитана прусской армии и дочери крестьянина. В 1893 избрал военное поприще. С 1901 по 1904 учился в Военной академии Генерального штаба в Берлине. Следует также упомянуть его служебные поездки в группе офицеров Генерального штаба. Перед самым назначением на должность начальника разведывательной службы Верховного командования вооружённых сил он совершает эти поездки также и в Россию. Совершенно свободно изъяснялся по-русски.

С 1906 начинает свою карьеру в рядах сотрудников отдела III В военной разведки кайзеровской Германии, приняв под своё начало разведывательный пункт в Кёнигсберге. Ему удаётся превратить Кёнигсбергский разведывательный пункт в главный форпост и рассадник шпионажа против России. В результате, после двух лет службы, в начале 1913 года он назначается руководителем разведывательной службы (отдел III В), внесшей немаловажный вклад в раскрытие австрийского шпионского скандального дела Редля. Николаи возглавлял германскую разведывательную службу с 1913 по 1919 год. И самыми решительными темпами он начинает готовить разведывательную службу к войне».

Молодой, вдумчивый, старательный офицер Александр фон Кнабенау привлёк внимание опытного разведчика. Особое значение имело абсолютно свободное владение русским языком. Александру было сделано предложение о переводе в разведку и тот с большим удовольствием принял его. Несмотря на отсутствие у него чувства «морской романтики», желания служить в действующем флоте, он, в то же время был не лишён чувств авантюризма и рискованных действий, то есть качеств, необходимых профессиональному разведчику. Пройдя соответствующую полугодовую подготовку в Берлине, он приступил к исполнению своих обязанностей.

Санкт-Петербург, Российская империя, Алексей Арцыбашев

После расставания с женой Евгенией Петровной Арцыбашев Сергей Николаевич, замкнулся в себе и больше так и не женился. Её измена оставила столь глубокую рану в душе профессора, что напрочь отвалила его от женского общества. Он так и не смог простить ей обиды.

Арцыбашев с головой погрузился в научно-преподавательскую деятельность, отдавая всего себя науке и родному институту. Заниматься с сыном Алёшенькой у него тоже не было времени. Для соответствующего ухода за ребёнком и его воспитания он привлёк деревенскую няньку и бонну-немку, бедную интеллигентную женщину из Гессена (в России в ту пору было очень много немцев, искавших в Империи лучшей доли).

Получив хорошее домашнее начальное образование Алексей продолжил его в петербургской гимназии, а в 1904 году успешно прошёл испытания и поступил в университет на химическое отделение. Практически сразу же он попал в среду вольнодумства. Жизнь университета помимо учёбы была наполнена социальной активностью молодёжи. На факультетах зародилась и крепла особенная духовная среда, контролировать и подавлять которую не был в состоянии никакой диктат. Ко времени его поступления, история университета уже имела богатое вольнодумное прошлое.

Так, первый конфликт возник из-за полицейского произвола в отношении студентов ещё в начале XX века. Студенты потребовали неприкосновенности личности, публикации всех касающихся их мер, отмены старого закона о призыве в армию исключённых студентов. Устроили демонстрацию у Казанского собора. Их поддержало своей забастовкой 25000 рабочих. Университет был закрыт, все студенты исключены. После открытия университета большинство студентов было восстановлено, но более 300 человек, всё же были исключены.

Брожение не утихло и 14 января 1901 г. бывший студент Карпович П.В. убил министра просвещения проф. Боголепова Н.П. Это бессмысленное преступление, восторженно встреченное студенчеством, открыло серию террористических актов со стороны революционных

сил и ответных действий правительства. После этих событий значительная часть студенчества стала в оппозицию царскому режиму.

Вот в такую среду и попал молодой Алексей Арцыбашев. Неокрепшее мировоззрение его было подвергнуто нигилистической, революционной идеологической обработке со стороны более старших товарищей. Эта была прекрасная среда для всякого рода авантюристов и проходимцев, которые выискивали в ней своих сторонников и вербовали в свои организации.

К началу революционных событий 1905 года Алексей Арцыбашев состоял в рядах Партии Социалистов-Революционеров (эсеров) и уже сумел зарекомендовать себя пламенным борцом-пропагандистом. Вечерами, после занятий группа студентов собиралась на одной из явочных квартир Петербурга. Там молодых революционеров старшие товарищи учили азам конспирации, приёмам ухода от слежки наружного наблюдения полиции. Много спорили о будущем России, её политическом устройстве. Изучали историю революционного движения в России на примере «Народной Воли».

На одной из таких встреч присутствовал зрелый мужчина приятной, интеллигентной наружности, с заливчатски закрученными по последней моде усами, эдакий Донжуан – похититель женских сердец, одетый в модный твидовый костюм. Хозяин квартиры его не представил, но раз он находился здесь, среди «революционеров», каковыми себя числили студенты-нигилисты, значит ему можно. Значит, так надо. Все они давно усвоили правило – не задавать «лишних вопросов». Он молча сидел в стороне на изношенном кресле, закинув ногу на ногу и только время от времени покачивал руками свою трость. Он сидел, слушал горячие споры, не принимая никакого участия в них, лишь скользил внимательным пристальным взглядом по лицам присутствовавших.

Это был никто иной, как Борис Викторович Савинков – один из лидеров самого радикального крыла Партии Эсеров – «Боевой Организации», занимавшейся в Российской Империи террором. Совсем недавно он нелегально прибыл из Женевы в Санкт-Петербург и сейчас подбирал молодых, энергичных людей для своих «адских» затей. Личность сложная, где-то загадочная, ну, по крайней мере, он сам хотел видеть себя таковым. С обретением опыта, Савинков ощущал себя теоретиком террора, претендовал на роль “хранителя канонов”, думал над их дальнейшим совершенствованием.

Задачей Савинкова, с которой он отлично справлялся, было подбирать для “участия в терроре” подходящих людей, готовить их психологически, вдохновлять на самопожертвование ради великих идеалов справедливости и свободы. И они шли на смерть с чувством искренней благодарности партии и, в первую очередь, лично Савинкову за оказанную им честь, за возможность «в борьбе обрести право своё» (девиз Эсеров).

Террор для Савинкова – это искусство, в котором должны быть свои принципы, обеспечивающие “чистоту” жанра. Первоначально ему не нравилась практика эсеров-максималистов, предпочитавших вместо кропотливой, планомерной работы по подготовке терактов устраивать дерзкие налёты, кровавые “эксы”, эффектные, но мало результативные акции (взрыв на даче П. А. Столыпина на Аптекарском острове, в результате которого погибли и были ранены десятки случайных людей, – дело их рук). Борис Викторович всерьёз был озабочен методологией и технологией. К примеру, после ряда трагических случаев при обращении с бомбами, он потре-

бовал ввести незыблемое правило: “бомба, сделанная одним химиком, не должна разряжаться другим”.

В последующие дни, после очередного заседания подпольного кружка к Арцыбашеву подошёл хозяин конспиративной квартиры и отведя его в сторону, сообщил, что с Алексеем хотят встретиться серьёзные люди и будут ждать его завтра в семь вечера по адресу ... предупредил, что на явку он должен идти, соблюдая все правила конспирации, тщательно провериться во избежание слежки.

Как и было приказано, Арцыбашев на следующий день, в условленное время прибыл на конспиративную явочную квартиру, перед этим тщательно попетляв по проходным дворам Петербурга. Постучал в дверь, а там, словно его ждали. Она распахнулась и в проёме показался тот самый щёголь с усиками, которого Арцыбашев видел прежде. Приветливо улыбаясь он пригласил Алексея внутрь.

– проходите-проходите, Алексей, ... располагайтесь и почувствуйте себя как дома. Здесь мы с Вами в полной безопасности. Место надёжное.

В комнате с наглухо задрапированными тяжёлыми портьерами окнами, ярко горел свет. На столе стоял горячий самовар и большая тарелка с маковыми свежими бубликами. Он обратил внимание, что на подносе было только два стакана. Значит кроме их двоих никого больше не предполагалось.

Всё ещё смущённый, он молча прошёл ко столу, выдвинул стул, но садиться не стал, выжидательно глядя на «хозяина».

– ах, да, извините, конечно. Не представился. Называйте меня Вениамин (один из партийных псевдонимов Савинкова), – и протянул приветливо руку.

– присаживайтесь-присаживайтесь. Давайте-ка по чайку, пока самовар горячий. И бублики, ...не забывайте про них. Очень свежие. Рекомендую.

Отдав должное свежему, крепко заваренному чаю, как нравилось Арцыбашеву, первым разговор начал Вениамин. Он сказал Алексею, что является одним из руководителей Петербургского отделения ПСР (Партия Социалистов Революционеров). На той, памятной встрече, где они впервые увидели друг друга, Алексей понравился ему своей пылкостью и грамотными речами. Через товарищей он навёл о нём справки и желает поближе познакомиться с ним. Результатом этой беседы будет то, что Арцыбашеву, возможно, поручат одно ответственное задание.

– только, вот что, Алексей, ответьте сначала на вопрос – что Вас привело к нам? Ведь Вы из вполне благополучной профессорской семьи, ...детство Ваше было безоблачным, няньки, бонны. ...Юность тоже, вроде как, неплохо проходит, ...университет, ...химический факультет. Казалось, – живи и радуйся! А Вы, прямо как в омут головой ... в революционеры подались.

Отвечая на вопросы Вениамина, Арцыбашев, понёс юношеский бред (так он, по прошествии лет, сам иронически оценивал своё поведение на той встрече) про то, что он вдохновлялся примерами народовольцев и социалистов. Романовское самодержавие и бюрократический диктат Системы были ему, якобы, отвратительны в высшей степени. И вдохновлённый подвигами борцов на благо простого народа, он также, как и они готов отдать жизнь за свободу, за освобождение Матушки-России от ненавистного самодержавия.

Вениамин слушал его очень внимательно, но ироническая улыбка всё-таки не сходила с его лица. Наконец, когда Арцыбашев выдохся, его визави не спеша, молча налил себе чай. Ложкой из вазочки зачерпнул земляничного варенья. Со вкусом отправил его в рот и с удовольствием сделал глоток ароматного чая. Наконец, соизволил отреагировать на пламенную речь студента.

– да-с, молодой человек, ... что тут можно сказать, – тут он рассмеялся и продолжил, – дури и шелухи у Вас в голове достаточно. Но, давайте-ка без пафоса, поговорим серьёзно. Я всё-таки Вас до конца не понимаю. Пока Вы для меня загадка. Вот, там, на той встрече в

кружке, там были рабочие парни с окраины, заводские. Вот они мне понятны. У них в России никакой перспективы на будущее. Завод. Тяжкий труд. Бедная семья и так, ... всю их жизнь. А у Вас? У Вас же все пути открыты. Получите высшее образование. И все пути-дороги перед Вами. Выбирай любую.

Алексей смутился, но продолжил нести околесицу всё в том же духе.

– ему-де, стыдно именно перед такими простыми ребятами за то социальное неравенство, что процветает в Империи... он-де, за справедливость, ... что, если он любит, то любит до конца, ... предан этому всем существом, ... не задумываясь, готов отдать этому самое ценное - жизнь, душу, мысль, чувство... и, если он что ненавидит, то ненавидит также страстно, самоотверженно, жертвенно, также глубоко и чисто.

Когда он закончил свой путанный и опять-таки пафосный монолог, Вениамин вздохнул и сказал:

– ладно, студент. В общем, ... Вы мне нравитесь. Нравитесь своей страстностью и готовностью к самопожертвованию. Я думаю, что Вы нам подходите. Мы, конечно же, проверим Вас в деле. В настоящем деле. И тогда окончательно решим... Алексей, с этого момента Вы вступаете в Боевую Организацию нашей партии ПСР. Цените доверие, оказанное Вам! Нам пригодятся Ваши знания, что-то ВЫ, надеюсь, уже сумели почерпнуть на своём химическом факультете.... Ведь чему-то Вас там уже научили... Одним словом, Вы займётесь крайне опасным делом – пока будете трудиться в одной из наших подпольных лабораторий. Будете создавать своими руками бомбы для акций организации. Подчёркиваю, дело крайне опасное. Требуется подойти к нему с полной ответственностью и серьёзностью. Ваш предшественник, неосторожно сработал и подорвался, угробив себя, ещё двух наших людей и лабораторию. Вы готовы взяться за это дело?

– Да, – с горячностью, выпалил Алексей, весь светясь от оказанного ему доверия. Ведь в среде ПСР о «Боевой Организации» ходили самые невероятные слухи. А он, Алексей Арцыбашев, стал её членом. Это просто счастье какое-то!

– ладно, тогда, отныне Ваш партийный псевдоним будет, ... Нууу, ... пусть будет «Григорий».

Домой Арцыбашев летел словно у него за спиной выросли крылья. Он чувствовал, что готов совершить какой-нибудь подвиг прямо сейчас, прямо вот, сей момент... Ээххх! Всё его нутро распирало от переизбытка чувств. Хотелось петь, кричать от восторга!

Отныне, Революция! – это единственное содержание его жизни. Огненный воздух, опьяняющий мозг! Прекрасная мечта по «новому бытию», по «реальной жизни». Вот она, настоящая жизнь!

18-летний юноша, переполненный впечатлениями, перемежал быстрый шаг с бегом и думал:

– а почему, собственно «Григорий», ... так прозаично, – недоумевал он, – я бы выбрал себе. ... Гммм, ... ну, хотя бы, «Альбатрос», ... или нет, ... да вот же. ... «Буревестник»! Ну, конечно, «Буревестник»! «Буревестник Революции», вот было бы здорово!

«– Буря! Скоро грянет буря! Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

– Пусть сильнее грянет буря!..»

– Прокричал он вслух строки из поэмы Максима Горького, которую тот написал, как раз на события у Казанского собора по разгону студенческой демонстрации в 1901 году. Прокричал, и опомнился, испугавшись. Как бы кто-нибудь его не услышал. Надо быть осторожней, ведь он теперь настоящий революционер-боевик!

Через два дня, после лекций в университете к нему на улице подошёл ничем не примечательный человек, одетый в серое драповое пальто с неопределённого цвета кашне, вокруг горла. Он обратился к Алексею, назвав его псевдоним:

– «Григорий», сегодня вечером, в шесть часов будьте по адресу ... – только и сказал, задержавшись рядом с Арцыбашевым буквально на секунду, и в тот же миг скрылся в одном из многочисленных городских проходных дворов.

В тот же вечер, в назначенное время «Григорий» был на явочной квартире. Его встретили четыре человека, его будущих, а теперь можно сказать, нынешних соратников по борьбе. Знакомство состоялось. Отныне он вошёл в «пятёрку» одной из ячеек боевого крыла ПСР. Он был приставлен к подпольной лаборатории по изготовлению бомб. С этого дня жизнь его изменилась. После лекций в университете он бежал в лабораторию, где вдвоём с «товарищем Сергеем» они занимались тем, что им поручила партия, то есть, «химичили» с различными смесями, изготавливая «адские штуки». Работа была тяжёлая, кропотливая, крайне опасная и занимала очень много времени. Порой у него не хватало сил, чтобы поздно ночью возвращаться домой, а с утра не выспавшись, бежать на занятия. Частенько он оставался ночевать прямо в лаборатории. С каждым днём делить время между университетом и лабораторией становилось всё труднее и, как следствие, он стал пропускать занятия и лекции. И чем дальше, тем больше. Плодов своих трудов они с «товарищем Сергеем» не видели. Лишь время от времени в лаборатории появлялся человек из их «боевой пятёрки», забирал готовые бомбы и «растворялся» в ночи. О результатах они узнавали лишь из газет, печатавших срочные новости и ужасные фотографии разрушений, причинённых террористическими актами эсеров. Конспирация у боевиков была строжайшая. Каждый занимался только тем, что ему было поручено. Категорически нельзя было интересоваться, где, когда и против кого будет направлен следующий теракт.

Но, однажды, совершенно случайно, он всё-таки стал невольным свидетелем одного из них. Спеша после лекций по Невскому проспекту, он свернул на набережную реки Фонтанки, миновал Аничков дворец, где обитала вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, и уже было повернул налево в Графский переулок, как позади него раздался страшный взрыв. Взрывной волной Алексея швырнуло на землю, и он «пропахал животом» по мостовой метра три, такой силы был взрыв. Не сразу придя в себя после взрыва, контуженный, он, сидя прямо на мостовой обхватил ладонями голову и качался из стороны в сторону, напоминая «китайского болванчика». Рядом, путаясь в многочисленных юбках, горланила и причитала какая-то деревенская баба. Чуть поодаль валялся оглушённый городской. Из-за угла опускалась поднятая взрывом пыль. С трудом поднявшись на ноги, он помог бабе встать. После чего направился к полицейскому, чтобы оказать тому помощь. Но городскому уже помогали сердобольные прохожие. Качаясь, ещё полностью не очухавшись, на нетвёрдых ногах Алексей завернул за угол, чтобы увидеть результаты взрыва.

Зрелище, открывшееся ему было просто ужасающим. Развороченная взрывом карета царского сановника, прибывшего к Марии Фёдоровне с визитом, валялась на боку. Точнее, то, что осталось от кареты. В смертельной агонии бились лошади с распоротыми животами и вываленными внутренностями. Кровь! Повсюду была кровь! Весь декабрьский снег был красным от крови. Брызги её были на стенах и ступенях дворца. И трупы, ... много трупов совершенно посторонних людей, случайных прохожих, волей судьбы, оказавшихся поблизости от эпицентра. В пяти метрах от него лежало растерзанное тело семилетней девочки с оторванными ногами. Женщина, видимо мать этой девчушки, была припечатана взрывной волной к стене. Её широко раскрытые мёртвые глаза, застыли в последнем смертельном ужасе. И стоны, ... мучительные стоны со всех сторон. К месту происшествия на помощь уже бежали городовые и совершенно посторонние люди. Дворцовая прислуга суетилась на крыльце. Алексея корёжило в рвотных позывах, он схватился за живот, отвернулся от мёртвых тел и его буквально вывернуло наизнанку. Отныне это зрелище запечатлелось в его сознании навеки. Такого не забудешь никогда!

Не помня себя, Алексей плелся назад, на Невский проспект. Его шатало из стороны в сторону, ноги почти не слушались, а в голове всё ещё шумело и лёгкая тошнота приступами, подступала временами к самому горлу. Он явно был контужен.

В тот день он домой не вернулся, решив переночевать в лаборатории. По дороге он купил в лавке литровую бутылку водки, хлеба, круг колбасы и солёных огурцов. Он решил самым натуральным образом напиться, чтобы стереть из памяти увиденный ужас, который до сих пор стоял у него перед глазами. Нельзя сказать, что до этого он не пробовал спиртного. Студенческие посиделки всегда сопровождалась распитием вина. Но сегодня он впервые пил в одиночку. Пил яростно, ожесточённо, как в последний раз. Но чем больше он хмелел, тем ярче и отчётливей перед глазами вставала картина последствий взрыва. Та разорванная, безногая малютка и её мать, сидевшая на земле, вдавленная взрывной волной в стену дома с бесстыдно раздвинутыми ногами, смотревшая широко раскрытыми мёртвыми глазами в сторону дочери. Алексей пил и мотал головой из стороны в сторону.

– Господи! Разве стоят тех целей освобождения народа от тирании, такие методы? ...Эти люди, чем-они-то виноваты? Господи, если ты существуешь, прости меня грешного, – размазывая по лицу слёзы, стонал Арцыбашев. Дальше внезапно наступила темнота.

Очнулся он только утром следующего дня от того, что кто-то тряс его и бил по лицу руками. Еле-еле открыв глаза, Алексей не сразу узнал человека. Только несколько мгновений спустя он понял, что это был «товарищ Сергей», пытавшийся привести его в чувство.

– ну что? Очнулся? Экая ты свинья, «товарищ Григорий», ...что ты нажрался, как скотина? Что случилось?

Алексей потряс головой, чтобы прийти в себя. Но лучше бы он этого не делал. Острая боль, словно молния, пронзила его мозг, раскалывая, казалось, череп надвое. ...Вставший к этому времени на ноги, Арцыбашев кулем повалился на пол, охватив голову обеими руками, чем очень напугал своего товарища. Тот подскочил к аптечке, схватил какой-то пузырёк и вернувшись, сунул его под нос Алексея. Это помогло. Способность чувствовать постепенно вновь возвращались к молодому человеку. Спустя несколько минут он наконец смог говорить и очень тихим, бесцветным голосом, казалось с безразличием, спокойно, без эмоций рассказал «товарищу Сергею» о вчерашнем происшествии, невольным свидетелем которого он был.

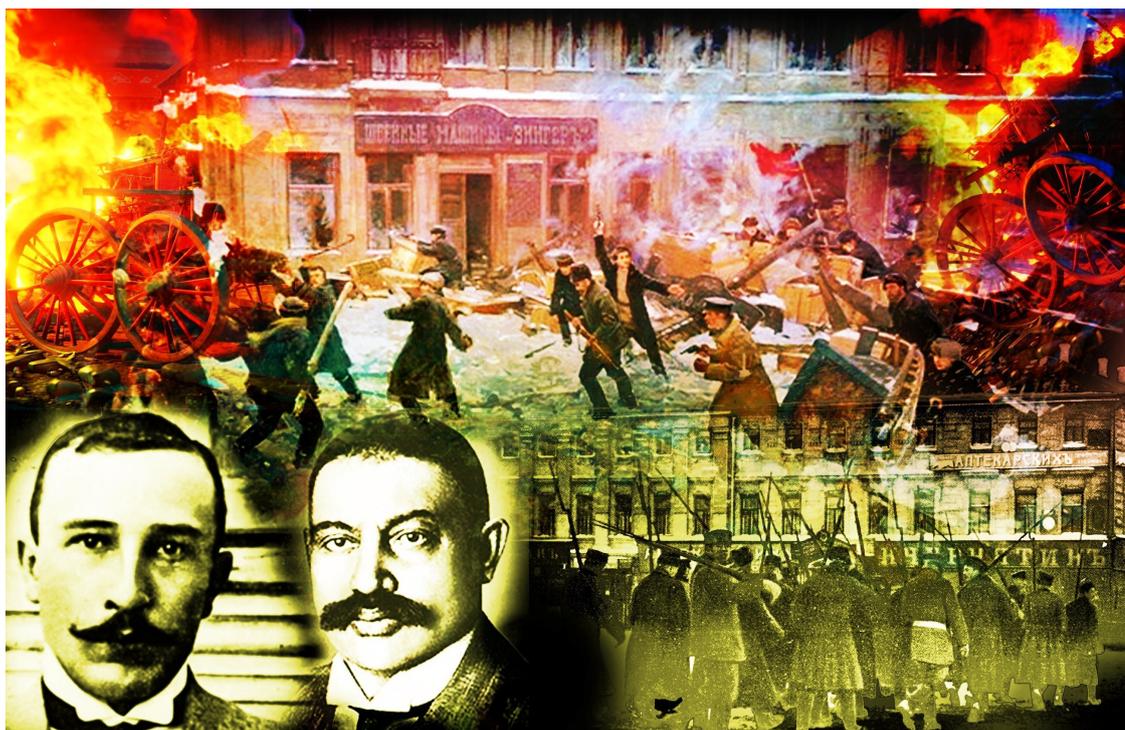
– да ты контужен, друг, у тебя же сотрясение мозга, причём очень сильное, – констатировал его более старший и опытный товарищ (он был старше Алексея на 10 лет).

– и ты, остолоп, после такой контузии ещё и напился!? Ну, ты даёшь! Ты же запросто мог скопытиться. Это просто чудо, что ты выжил. Всё, работник из тебя никакой на сегодня... Да что на сегодня!? Как минимум неделю тебе надо отлежаться? – с досадой махнул он рукой.

Санкт-Петербург. Зима 1905 года ...РЕВОЛЮЦИЯ!!!

Не неделю, а целых полтора месяца Арцыбашев отлёживался на даче друзей отца в пригороде Петербурга. Доктор, осмотревший его, прописал строгий постельный режим, чистый воздух и прогулки по зимнему лесу. Пока он выздоравливал в столице, ... да что столице? По всей России вспыхнула Революция. Мимо него прошли события 9 января – расстрел мирной демонстрации войсками столичного гарнизона, массовые забастовки рабочих и студенческие выступления. Всё это прошло мимо Алексея.

Товарищи не забывали его, в своё время он дал знать им, где находится. Ведь не мог он просто так исчезнуть. Не хотел, чтобы его посчитали слабаком и трусом. Время от времени его навещали соратники по борьбе. Вот и сегодня, выкроив время, его навестил «товарищ Сергей». Он сообщил последние новости из столицы, рассказал о том, что неделю назад, их лаборатория была разгромлена «охранкой» (эсеры тогда не знали, что захват подпольной мастерской по изготовлению бомб, был результатом предательства «Азефа», их старшего «товарища», возглавлявшего «Боевую организацию» ПСР). «Сергей» с радостью сообщил, что революционное движение распространяется по всей Империи. Вспыхнули восстания в Москве, Киеве, Харькове. И чем дальше, тем всё массовей и сильнее полыхал огонь революции.

Алексей попробовал было поделиться с соратником своими сомнениями и терзаниями души. Но куда там, ...

– брось, друг, это всё от безделья, ... не кисни, ... соберись духом. Давай, скорее поправляйся и присоединяйся к нам.

Но, несмотря на всю свою чёрствость и толстокожесть, «товарищ Сергей» уловил колебания в душе соратника, и по прибытии в столицу, передал их последний разговор Савинкову, который в то время был наездом в Санкт-Петербурге. А вот Савинков с беспокойством выслушал соратника и придал его сообщению самое серьёзное внимание. Несмотря на всю свою занятость, он выкроил время и навестил Арцыбашева на даче.

– ну что, студент? ... Попал ты, брат, «под раздачу»? ... Поверь, это случайность. Так иногда бывает.

Алексея словно прорвало, он всё искренне выложил «Вениамину» о том, что его беспокоило и тревожило в последнее время. Рассказал и о растерзанной взрывом девочке, и её убитой матери, ... об ужасной кровавой картине последствий теракта.

Савинков не перебивал его. Прогуливаясь с Арцыбашевым по заснеженному лесу в окрестностях дачи, он выслушал его с большим вниманием, дал полностью выговориться. Большой психолог и «уловитель людских душ». Савинкову очень нравилось такое самоопределение. Оно, кстати было недалеко от истины. Он, действительно, был тем самым Дьяволом, искушавшим неокрепшие души. Он знал, что если вовремя не пресечь такие сомнения, то последствия могут быть самые печальные и неожиданные. Нет, не возможный суицид соратника беспокоил этого прожжённого циника. Это-то как раз его и не тревожило. Ну, что из того, что повесился или застрелился очередной слабак. На его место найдём другого, более достойного. Его беспокоило то, что заражённый «бациллой сомнения» соратник, может стать тем слабым звеном в их организации, которое в самый ответственный момент может лопнуть и сорвать дело. А то, и того хуже, эти настроения могут уловить в Охранном отделении и завербовать «ничтоже сумнящегося» в «провокаторы». В Охранке тоже работали мастера, и знатоки своего дела!

– понимаешь, Алексей, – проникновенно-тихим голосом начал Дьявол, – такое случается, ... как и во всяком другом деле, у нас тоже могут быть промахи. Это, так сказать, издержки.... Или ты думаешь, мне не жалко тех несчастных, которые волею Рока, оказались не в то время и не в том месте? Жалко! Ещё как жалко! Но ведь главное, дело было сделано. Поставленная цель достигнута! Вот что важно! Главное – Цель, к которой надо стремиться, а всё остальное неважно. Неважна и наша с тобой жизнь, если её ценой будет достигнута к конечному итоге высокая цель, торжество Революции, – с пафосом произнёс Дьявол.

– в конце концов эти жертвы, положенные на Алтарь Свободы (вот они, ключевые слова – ЖЕРТВЫ! АЛТАРЬ!) окупятся. И потом, это всё неизбежно. И ты к этому должен привыкнуть. Революцию руками в белых перчатках не делают, запомни это.

Так, вдвоём, прогуливаясь по зимнему лесу, они подошли к даче Алексея

– ну что же, – внимательно глядя в лицо соратника, произнёс Дьявол Савинков, – я развеял твои сомнения, мой друг?

– да, спасибо что выслушали меня, «Вениамин», спасибо за слова поддержки. Я готов к продолжению борьбы.

– ну, вот и чудно, пора, брат, пора. У нас ещё очень много дел впереди. И помни наш лозунг.

– "В борьбе обретёшь ты право своё", – назидательно поднял вверх палец Дьявол. Только борьба и движение – ВСЁ! Остальное – НЕВАЖНО! – с пафосом закончил Савинков.

Автор этого девиза – выдающийся немецкий юрист Рудольф фон Йеринг (1812—1890), который трактовал право, как юридически защищённый практический интерес человека, то есть защищённый правовыми средствами. Эсеры же вкладывали в него совершенно другой смысл.

Революция бушевала и разрасталась на просторах Империи. Борьба продолжалась: 4 февраля 1905 года – эсером Каляевым был убит московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович.

Начался массовый террор против должностных лиц: с февраля 1905 года по май 1906 года было убито восемь генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, пять вице-губернаторов и советников губернских правлений, двадцать один полицеймейстер, уездный начальник и исправник, восемь жандармских офицеров, четверо генералов, семь офицеров. Эсеры завоёвывали «СВОЁ ПРАВО» так, как они его понимали....

Поправившись, Алексей включился «в работу». В декабре 1905 года самым важным городом, где Революция могла победить, с точки зрения и социал-демократов, и социалистов-революционеров, стала Москва.

Практическую подготовку вооружённого восстания в Москве осуществлял МК (Московский комитет) РСДРП, при котором летом 1905 была создана Боевая организация, ведавшая организацией боевых дружин. Соперничавшие с этой партией эсеры, не могли оставить без внимания Москву. Они не могли допустить того, чтобы все лавры победы достались социал-демократам, поэтому большую часть своих сил перебросили туда. Так в Москве оказался и Алексей.

Вот как оценивали ситуацию в Москве историки:

«Решение Совета рабочих депутатов и воззвание революционных партий до предела накалили обстановку в Москве. Вечером 8 декабря эсеровская боевая дружина под командованием двадцатилетнего студента А. Яковлева (Гудкова) открыла огонь по частям, получившим приказ разогнать митинг в саду "Аквариум". Срочно созванный в 11 часов вечера городской комитет эсеров решил ответить "ударом на удар" – взорвать Охранное отделение. У эсеров и не только у них было какое-то неистребимое, сродни психической мании, желание крушить в первую очередь именно Охранные отделения. В.М. Зензинов и два "метальщика", в их числе С.Н. Слетов, в 3 часа 20 минут ночи нанесли бомбами серьёзные повреждения зданию ненавидимого учреждения. Вечером следующего дня правительственные войска подвергли артиллерийскому обстрелу училище Фидлера, где в это время находились дружины эсеров и железнодорожников, решавшие, какими маршрутами направиться для разоружения полиции.»

Алексей принял самое живое участие в сражениях с правительственными войсками на баррикадах Москвы. Он стрелял в драгун. В него стреляли. Рядом со стоном падали раненные и безмолвно валились убитые дружинники. Азарт, вот что сейчас чувствовал Арцыбашев. Азарт и большой душевный подъём. Ну, наконец-то он вошёл в лад со своей совестью. Все сомнения были отброшены. Его целиком захватила стихия сражений, революционной борьбы.

«15 декабря в Москву из столицы прибыл гвардейский Семёновский полк. На следующий день началась операция по зачистке Пресни от дружинников. 21 числа последний очаг сопротивления был ликвидирован. За день до того войска подавили восстание на Казанской железной дороге. Многих революционеров расстреливали без суда. Ожесточение с обеих сторон достигло предела. Патрули стреляли в спину, проводили бессудные расстрелы и революционеры. Правительственными войсками, защищавшими Пресню, руководил командир Семёновского полка Георгий Мин, к которому присоединился ещё один полк – Ладожский. Сопротивление восставших было отчаянным. Каждый дом приходилось брать штурмом.»

Считая, что восстание в Москве потерпело поражение, эсеры переключились на провинции Империи. Там надо было поддерживать, а иной раз и воспламенять «пожар революции». Ведь главное для них было ДВИЖЕНИЕ! БОРЬБА! Остальное – не важно. Поэтому Алексей с группой товарищей был послан в Киев, на помощь местной ячейке Боевой организации.

Ранение Алексея

По прибытии в Киев, поздним январским вечером Алексей с двумя соратниками прибыли на явку в один из домов на Крещатике. Убедившись, что квартира «чиста», то есть увидели условный знак – «отдёрнутую наполовину штору в окне и распахнутую форточку», они без опаски поднялись на второй этаж. Позвонили в дверь механическим звонком. Дверь распахнулась мгновенно, словно их ждали. За дверью, вместо хозяина явки они увидели двух полицейских в шинелях. Опытные боевики среагировали мгновенно. Не задумываясь, они выстрелили в фигуры полицейских, толпившихся в узком коридоре квартиры и развернувшись устремились вниз по лестнице на выход из подъезда. Однако снизу, навстречу боевикам торопливо поднимались двое городских с револьверами в руках. Первым спускался Арцыбашев. Увидев неожиданное препятствие, он вскинул руку и, не задумываясь, выстрелил в первого на его пути полицейского. Промаяхнуться с двух метров было невозможно. В памяти у него отложился удивлённо-испуганный взгляд толстяка. Оттолкнув плечом тело правоохранителя, Арцыбашев перемахнул через перила лестницы и оказался на ступенях чуть ниже второго городского. Сзади раздался грохот револьверных выстрелов. Пороховой дым наполнил подъезд. Уже на улице Арцыбашев ощутил резкую колющую боль где-то под правой лопаткой и понял, что ранен. Оружие выпало из разжавшихся пальцев правой руки, которую он уже перестал ощущать и контролировать. Глаза стало заволакивать туманом. Тут он почувствовал, как его подхватили под руки. А дальше сознание оставило его. Наступила темнота.

.....
Сознание возвращалось медленно. Вначале он услышал какие-то голоса, ... прислушавшись, он узнал голос «Фёдора», его боевого товарища...

– смотри! У него веки подрагивают... очухивается потихоньку.

– да вижу-вижу, ... слава богу, может выживет... может всё обойдётся, – это был голос «Сергея».

– дай-то Боже, ... теперь только вся надежда на его молодой организм. Я не знаю, но возможно задето лёгкое. Тут нужны стационарные условия и тщательное наблюдение за раненым. Пуля прошла навывлет... Рёбер и костей не задела. Так что, шансов много..., – а это чей голос? Не знаком...

С трудом разлепив веки Арцыбашев увидел склонившихся над ним друзей и пожилого человека с «чеховской бородкой», вероятно доктор, безошибочно определив, попытался улыбнуться Алексей.

Когда он окончательно пришёл в себя друзья рассказали ему, что выскочив из подъезда, они увидели «Григория» медленно оседавшего в снег. Поняв, что он ранен, подхватили его. Тут, на их счастье, рядом оказался извозчик. Выкинув его из дрожек, они погрузились и помчались как можно дальше от этого места. На запасной «явке», адрес которой у них имелся, через товарищей «добыли» доктора. Он был «свой». Товарищ по партии. Сейчас они все вместе за городом. В городе повальные облавы. Их ищут. В той «заварушке» было убито двое городских и один жандарм. Явка была провалена. Это очевидно. Жандармы знали всё, даже условные знаки. Засада была приготовлена с прицелом на их приезд. Кроме как предательством это не объяснить. Значит среди них был провокатор.

Боевики тогда ещё не знали, что выдавал их всё тот же, не ко сну будет помянут, Евно Азеф, – одна из самых противоречивых фигур в истории революционного движения. Завербованный охранкой, он в течение пяти лет возглавлял террористов-эсеров. Величайший авантюрист своего времени.

Историческая справка:

«Евно Фишелевич (Евгéний Фили́птович) Азе́ф (1869 г.р.). Он же: «Иван Николаевич», «Валентин Кузьмич», «Толстый»;

в работе с Охранным отделением: «инженер Раскин»

В университете, был завербован тайной полицией. В 1893-м 23-летний Азеф предложил услуги полицейскому отделу – доносить на студентов за полсотни в месяц. Вскоре Азеф внедрился в организацию эсеров, к 33 годам её возглавил. Он был активным сторонником террора, и в то же время, ухитрялся предотвращать важные политические убийства, в том числе покушение на царя.

Его ценность для полицейского департамента росла, он получал уже 1000 рублей месячного оклада. Занимая такую видную должность, он сдал многих соратников эсеров, после убийства Плеве указал на Розу Бриллиант, делавшую бомбы террористам. Каждый раз, когда эсеры пытались вычислить «крота», Азеф оказывался вне подозрений: слишком много успешных террористических актов было на его счету. После провала Летучего отряда, эсеры всерьёз забеспокоились и привлекли к расследованию Владимира Булзева, сыщика-любителя, промышлявшего разоблачением агентов тайной полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.